

18+

КТО Я СЕГОДНЯ?

ПИСАКА ЕЖОВА

Писака Ежова

Кто я сегодня?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42756400

ISBN 9785449686527

Аннотация

Максиму каждую ночь снится один и тот же кошмар: маленький мальчик на дне темного погреба. Чтобы понять мотивы своего отца-садиста, который и запер там ребенка, Максим решается на безумный эксперимент. Он похищает влюбленную в него девушку и закрывает ее в доме без окон... Удастся ли Максиму не перейти тонкую грань, которая пока еще отделяет его от отца-убийцы? Сможет ли он по крупицам собрать свою жизнь и простить родителей за свое искалеченное детство? Получится ли у него когда-нибудь полюбить?

Содержание

Благодарности	5
Предисловие	6
Глава 1 (Алина, сейчас)	7
Глава 2 (Алина, сейчас)	10
Глава 3 (Максим, сейчас)	14
Глава 4 (Алина, тогда)	19
Глава 5 (Максим, тогда)	24
Глава 6 (Алина, тогда)	29
Глава 7 (Максим, сейчас)	35
Глава 8 (Алина, сейчас)	41
Глава 9 (Алина, тогда)	45
Глава 10 (Максим, сейчас)	50
Глава 11 (Алина, сейчас)	56
Глава 12 (Максим, тогда)	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Кто я сегодня?

Писака Ежова

Дизайнер обложки Алена Александровна Ротенберг

© Писака Ежова, 2020

© Алена Александровна Ротенберг, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-8652-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Я хочу выразить огромную благодарность моей дорогой подруге Смирновой Алене! Её помощь в написании этой книги бесценна... Скорее всего, я никогда бы не дописала ее. Каждое воскресенье, на протяжении двух лет, я просыпалась и видела сообщение: «Где новая глава?» И это было лучшим мотиватором для меня! Алена, спасибо за бесконечную веру в меня и интерес к этой книге!!!

Также я от всего сердца хочу поблагодарить еще одного дорогого мне человека: друга и профессионального детского психолога Москалькову Ольгу! Ее мудрые подсказки и психологические советы помогали мне на протяжении всей книги. Именно они позволили полноценно раскрыть образы героев.

Отдельное спасибо моему любимому фотографу Ротенберг Алене за оригинальный дизайн обложки! Как только я увидела это фото, то сразу же поняла – это лицо моей книги!

Эту книгу я посвящаю вам... И говорю: Спасибо от всей души!

Предисловие

Я не знаю, кто я. У меня есть имя. Но, оно ни о чем мне не говорит. Просто слово из пяти букв. Оно не вызывает у меня никаких воспоминаний и ассоциаций. У меня есть муж и дом. Но, каждое утро, просыпаясь, я испытываю ощущение, что живу, будто в специально созданном для меня мире. Я видела по телевизору, как дети, играя, создают такие дома и заводят в них игрушечные семьи. Вот и моя жизнь напоминает мне такой вот игрушечный дом. Проклятый паук так плотно сплел свою липкую паутину, что чем больше я вырываюсь, тем сильнее погружаюсь в эти клейкие, вязкие цепи.

Довольна ли я своей жизнью? Да. Довольна. Но, мне как будто не хватает меня самой. Моя собственная личность стерлась... размылась... растворилась в попытке вспомнить... И день за днем я создаю новую версию себя.

Иногда мне кажется, что это какой-то дикий, безумный эксперимент над моей психикой. Иногда я думаю, что другой жизни и не существует. Что все люди живут так, как я. Хотя, может, и нет в мире никаких людей. Только я и он...

И этот чертов дом без окон.

Глава 1 (Алина, сейчас)

Я просыпаюсь от дикой, всепоглощающей боли. Слабая, едва осязаемая в ногах, она поднимается и несколько минут кружит по всей черепной коробке. Затем стремительно пикирует и пронзает висок с левой стороны. В глазу как будто разорвался снаряд.

Я морщусь от этой нестерпимой боли и, слегка постанывая, открываю глаза. Хватает и пяти секунд, чтобы понять – помещение, в котором я нахожусь, мне незнакомо. Света, который освещает комнату, недостаточно. Поэтому большую часть предметов невозможно рассмотреть детально. Сквозь мутную пелену своего нечеткого зрения и пятен, которые пляшут передо мной, я различаю огромный деревянный стол. Он-то как раз освещен лучше всего. Единственная в комнате лампа нависает прямо над его центром. Сбоку от него стоят два стула с высокими спинками. Они тесно прижаты друг к другу. Создается впечатление, что им не слишком уютно в этой комнате. И они стремятся найти поддержку в своем родстве. Всё, что стоит по углам, погружено в полумрак. Поэтому разглядеть это не представляется возможным.

Я продолжаю лежать и корчиться от неприятных ощущений в голове. Они не дают мне ни на чем сосредоточиться. У меня даже не возникает предположения, где я могу нахо-

диться. Я закрываю глаза и снова погружаюсь в тревожный и беспокойный сон...

Проснувшись во второй раз, я с облегчением обнаружила, что боль немного утихла. Приподнявшись на локте, я села и несколько секунд провела в этом положении. Сидеть было удобно. Диван был настолько мягкий, что мне было непонятно, отчего так затекли руки и ноги. Я попробовала встать, чтобы немного размять их и заодно осмотреться. Слабость в теле не дала сделать мне и пары шагов. Пришлось опереться о спинку стула и передохнуть. Стул заскрипел и обиженно придвинулся к своему деревянному собрату.

– Ишь ты, какой сердитый! – Подумала я и попыталась улыбнуться.

Странно, но в моей голове не было ни одной мысли. Пустота... И почему-то меня это совершенно не пугало. Более того, я даже не задумалась об этом. Подчиняясь лишь одному внутреннему приказу: Иди! Я шла.

Покачиваясь и шатаясь, я пробиралась в сторону темного коридора. Меня вдруг как будто толкнула вперед невидимая сила и я, споткнувшись обо что-то, упала. Этим «чем-то» оказалась моя собственная сумка. Я не узнала её, просто каким-то внутренним чутьем поняла, что она принадлежит мне.

Потянувшись, я застыла в нескольких сантиметрах от нее, и прислушалась к тихому, едва различимому голосу внутри меня. Он робко покашливал, спрашивая: «Где это я?»

Мне показалось, что сначала я даже не поняла вопроса, который возник в моем подсознании. Только спустя несколько секунд я начала судорожно оглядываться. Расположение комнат. Предметы. Вещи. Нет. Мне, определенно, ничего не было знакомо. И тут плотной снеговой лавиной, подгребая под себя все мои нехитрые размышления, на меня обрушился новый вопрос... От него мгновенно вспотели ладони и сердце застучало в районе горла. «КТО я?»...

Мысли прыгали по всей голове, пытаюсь зацепиться хоть за какую-то подсказку. Вакуум. Пустота... Голова как из поролона. Ей впору было служить подушкой для иголок. Ни рассуждений... Ни воспоминаний.

Я резко встала и вздохнула полной грудью:

– Так. Главное успокоиться! Это просто новая обстановка так на меня подействовала.

Как в каком-то дурном сне я хотела обратиться к себе по имени, но не могла... Вот тогда страх принял реальную форму и прошелся по всем волоскам на моем теле. Я завизжала. Во все горло и что есть мочи...

Мне ответило только громкое эхо, которое прокатилось незримой волной по всем комнатам. И упало в самом дальнем и темном углу этого чуждого мне помещения.

Глава 2 (Алина, сейчас)

Осмотреть весь дом мне не удалось. Скрип дверной ручки и поворот замка заставил меня мгновенно вжаться в проход между коридором и дальней комнатой. Я, что было сил, прижимала к себе сумку, надеясь на неё как на боевое оружие.

Почему-то в голову лезли слова: «Отче наш, Иже еси на небесах, да святится имя твоё...» Что это за слова, я не знала. Но они, однозначно, приносили мне облегчение.

Скрип прекратился. Дверь открылась и тут же захлопнулась, теперь уже с внутренней стороны. Тот, кто пытался войти, вошел. Он включил свет в прихожей, и уверенными шагами направился в мою сторону.

– Да приидет царствие твое... Да будет воля твоя. – Неведомые слова заполнили мою голову, полностью вытесняя прочие мысли. Если бы не они, я бы, скорее всего, уже грохнулась в обморок, так меня колотило.

Шаги приближались. От растущего напряжения горло сжал спазм и я закашлялась. Шаги ускорились. Щелкнул выключатель. И я на некоторое время ослепла от яркого, как прожектор, света.

Преодолев страх, я распахнула глаза и увидела прямо перед собой взволнованное лицо молодого мужчины. Первое, на что я обратила внимание, были его глаза. Сине-голубые. Небольшие. Но на них невольно задерживаешь взгляд из-за

цвета. Как будто темно-синюю гуашь разбавили. Оставляя в центре, ближе к зрачку, первоначальную синеву.

В них мелькало беспокойство и одновременно какая-то трогательная забота. Я поняла, что он был удивлен моим испуганным видом.

– З-зз-здравствуйте! – Я, слегка заикаясь, поздоровалась.

Сместив взгляд с его глаз на руки, я увидела, что в одной руке он сжимал огромный букет лилий, а в другой – плюшевого медведя.

Он был на целую голову выше меня. И, наверное, массивнее раза в три. Сплошные бугры мышц под тонким вязанным свитером. В голову пришла ассоциация: боевая машина. Но я не испугалась этого сравнения. Наоборот, мне казалось, что этот человек пришел, чтобы защитить и вытащить меня отсюда. Я молчала. И, боясь реакции на откровенное разглядывание, смотрела на него исподтишка. Приятный. Да, что уж греха таить, не просто приятный, а красивый... Несмотря на весь ужас ситуации, которая пугала меня до зубодробительного стука, я не могла это не отметить.

Высокий лоб несколько его не портил. Скорее придавал еще большую мужественность. Я почти убедила себя, что человек с таким открытым и красивым лицом не может причинить вред. Я внутренним чутьем, шестым чувством, или третьим глазом, чувствовала, что он мне поможет. А, может, мне хотелось так чувствовать... Я даже невольно поддалась вперед. Но, остановилась.

Он молчал. Не двигаясь, словно изучая меня. Это не могло не напрягать. И я опять занервничала. Образ парня казался мне смутно знакомым. Но эти чертовы мысли опять ускользали, не давая мне ничего вспомнить. Меня это жутко злило. И я, не сдержавшись, выпалила:

– Извините, но я не знаю, кто вы...

Незнакомец вскинул бровь, показывая недоумение. Затем на его губах мелькнула подобие улыбки. Или даже легкой ухмылки. А, может, мне просто показалось... Он устало опустил на пол и, мотая головой из стороны в сторону, бормотал: «О, нет! Опять? Только не это...!»

Его бессвязные слова как будто сдули меня и превратили в сморщенный, вялый воздушный шар. Я ссутулилась, и безвольно смотрела на единственного человека, который мог мне всё объяснить. Я не могла ничего анализировать. Как, оказывается, много значат для нас воспоминания. Это не просто «старые кадры» потертой киноплёнки, которые ты, при необходимости поулыбаться или погрузить, извлекаешь из катушки своей памяти. Нет. Всё гораздо сложнее.

Я стояла, молча наблюдая, как человек напротив почти сотрясается в беззвучных рыданиях. И не могла понять, как на это реагировать. Я не знаю, почему он так расстроен. Я не знаю, должна ли я его успокаивать. Я не помню ни его. Ни наших с ним отношений. Да, черт возьми, я себя-то не помню.

Он убрал ладони с лица, и, продолжая качать головой, жа-

лостливо смотрел на меня. Плюшевая игрушка и цветы валялись тут же, на полу. Если медведь держался очень даже бодро, то цветы напоминали меня в тот момент. Они подвядли, сморщились и склонили головы, словно ожидая приговора. Наконец, парень заговорил:

– Как я боялся этого! Всё было так хорошо... И вот опять. Снова всё по кругу. Твои приступы... Они не прошли... А я так надеялся! За последние пару лет я напоминаю тебе это уже в двадцать первый раз. Тебя зовут Кристина. И ты – моя жена...

Глава 3 (Максим, сейчас)

От возбуждения меня трясло. Я еле попал ключом в дверной замок. Напряжение было так велико, что я, не разуваясь, в грязных ботинках, прошел на кухню. Открыв холодильник, я достал ледяную бутылку с минеральной водой. Открутил крышку и жадно стал вливать содержимое внутрь. Вода попадала сразу в желудок, как будто минуя горло. И он тут же наполнился морозной колкостью.

Даже утоление этой дикой жажды не снизило моего возбуждения. Я ликовал. Улыбка, поселившаяся на моем лице, несколько часов назад, не покидала его до сих пор. Я был счастлив. Впервые за последнее время. Если быть точнее, за последние шесть лет. Последний раз я был так удовлетворен, когда мне позвонили и сказали, что я принят в оперативный отдел. В тот момент моя радость была так велика, что я положил трубку, даже не поблагодарив звонившего. Что было на меня совершенно не похоже.

Так и сегодня, запирая на два замка эту железную дверь, я едва не пританцовывал от удовольствия.

Я, наконец-то, снял ботинки. Намочил тряпку и тщательно протер следы на паркете. Немного поморщившись от вида грязи, я в который раз подумал о том, что на свете нет ничего лучше чистоты и порядка. Порядок и структура. Во всем. Вот, что упрощает нашу жизнь. Ненавижу хаос.

Развалившись в кресле, я закрыл глаза. Блаженная улыбка так и не сходила с моего лица.

– Это такой кайф. – Думал я. – Кайф истинный. Ни с чем несравнимый.

Открыв глаза, я вытянул руку и сжал её в кулак:

– Власть! Вот она где, настоящая власть. У меня в кулаке...

Я не заметил, как уснул. Проснулся я от неприятных ощущений в спине. Положение для сна было неудобным и она, попросту, затекла. Я встал и с удовольствием потянулся, давая размяться скукоженным мышцам. Боль стала приглушенно-приятной. Я прошел на кухню и, первым делом, посмотрел на часы. Они показывали 5.23. Почти утро.

Наполнив чайник водой, я достал несколько пакетов с сухими, измельченными чайными листьями. Что-что, а чай я люблю. Более того, не просто люблю, а разбираюсь в нем. Когда-то я даже посещал чайные церемонии. На них меня водил отец, который совершенно не признавал кофе. Ровно, как и чай в пакетах. Бррр... Теперь меня тоже аж передергивает от вида этой подкрашенной чайными отходами воды. Бывало, что на дежурстве нормальный чай заканчивался и тогда я был вынужден пить пакетированный. Это было для меня худшим испытанием. Парни с отдела поначалу подшучивали надо мной, считая это какой-то блажью. Но потом перестали. Да и сами всё больше попивали мой свежезаваренный.

Я выбрал китайский зеленый чай с жасмином. Соблюдая все правила, залил чайные листья кипятком. Во время приготовления я целиком сосредотачивался на процессе. Не позволяя мыслям блуждать. Вот и сейчас, только покончив с этой процедурой, я позволил себе перенестись во вчерашний вечер. Точнее, в последние минуты его завершения.

Семью часами ранее.

Я остановил машину и заглушил мотор, давая тем самым понять, что мы приехали. Выйдя из нее, я подошел к двери, со стороны Алины, и открыл её. Как истинный джентльмен, я подал ей руку, а она, как настоящая леди, только хорошо выпившая, ухватилась за нее и вылезла.

Выпал первый снег. Зима расставила свои приоритеты, и ноябрь был вынужден капитулировать. Причем довольно трусливо, и даже не пытаясь напомнить о себе. На Алине была легкая осенняя куртка и скользкие сапоги. Неудивительно, что девушка, счастливо смеясь, вцепилась в мою руку и прильнула ко мне, пытаясь согреться. Я тоже смеялся. Показывая, что мне приятна её близость. Она смотрела на меня пьяными глазами-фонариками. Как собачка, которую хозяин, наконец-то, вывел погулять. Тьфу. Внезапно мне захотелось сплюнуть от её влюблено-тошнотворного вида. Я с трудом сдержался. Вместо этого улыбаясь еще шире...

У входной двери я затормозил, пытаясь найти в кармане куртки ключи. Открыв дверь, я распахнул её, и предложил жестом войти. Алинка, на минуту замешкалась, словно что-

то заподозрив.

– Может ты первый? Всё-таки, дом твой? – Она смущенно и как-то по-детски улыбнулась.

Я покачал головой и, шутливо расшаркиваясь перед ней, ответил:

– Ну, что вы! Дамы вперед!

Она вошла, пытаясь сориентироваться в незнакомом помещении на ощупь, довольствуясь лишь тонкой полоской света от распахнутой двери. Я вошел следом, и резким движением нажал на выключатель. Яркий свет неожиданно для Алины залил комнату. Не давая девушке прийти в себя и перестать жмуриться от него, я сильно толкнул её вперед, сбивая с ног. Последнее, что я увидел, перед тем, как стал запира-ть дверь снаружи: Алина, потеряв равновесие, упала.

Закрыв дверь, я подергал ее несколько раз, проверяя, насколько она надежна. Моё сердце отбивало такт как армянский дхол, простучав, наверное, триста ударов в минуту... Ладони были настолько влажными, что я мог намочить ими карманы своей легкой кожаной куртки.

Направляясь к машине, я слышал, как Алина барабанила кулаками по двери и кричала: «Макс! Выпусти меня! Это не смешно. Дурацкая шутка! Маааксим!» Я ухмыльнулся и сказал сам себе: «А это и не шутка. Я тебе не клоун». Уже почти дойдя до машины, я подумал, что не мешает проверить, надежно ли заперты ставни на окнах. Развернувшись, я по очереди подошел к каждому окну, проверяя крепость

его засова. Хотя эти манипуляции были излишни. Я лично навешивал эти массивные куски древесины на окна. Ставни были цельными. И напрочь исключали даже малейший про-свет между ними. Создавалось впечатление, что в доме от-сутствуют окна... Этого эффекта я добивался, обустроивая его последние полгода...

Осмотрев последнее окно, я почувствовал, что мое ра-достное возбуждение достигло предела. Я улыбался так, что заболели скулы, окидывая глазами дом, погруженный в пол-лунрак.

– Вот и всё, детка. Никуда ты от меня теперь не денешься.

Я смотрел в ночное, звездное небо и упивался собствен-ной вседозволенностью. Я пытался увидеть в нем седого ста-рика, грозящего мне пальцем и не видел его... Потому что ему плевать и на меня, и на эту девчонку, лежащую сейчас, на холодном полу...

Вытянув вверх руку, я сжал ее в кулак:

– Нет никакой справедливости! Есть только власть. Власть того, кто сильнее! Вот она где сейчас, настоящая власть! У меня в кулаке... С Днем рождения, отец!

Презрительно сплюнув, я быстрыми шагами пошел к ма-шине.

Глава 4 (Алина, тогда)

Солнечный свет заливал комнату. Я открыла глаза и потянулась, откидывая одеяло. Муж сопел, уткнувшись лицом в подушку. Я легонько провела по его волосам ладонью. Мы просыпались вместе вот уже десять лет. За редким исключением его служебных командировок. Чаще всего я вставала на полчаса раньше, чтобы приготовить завтрак. Из всех суточных двадцати четырёх часов я любила эти несколько утренних минут, которые могла проводить в теплой кровати, наблюдая за спящим мужем. Если меня спросить, почему его сонный вид доставляет мне такое удовольствие, я не отвечу. Мое сердце в этот момент наполняется какой-то былой нежностью по отношению к нему. Как будто сухой цветок каждое утро дает новые побеги...

Я прижалась к нему, чувствуя тепло. И вдруг меня словно выкинуло из реальности, вернув обратно в сон. Я вспомнила его в мельчайших деталях и почувствовала, что краснею... Отстранившись от мужа, я легла и уставилась в потолок. Мои руки мгновенно вспотели и тело предательски задрожало. Мне снился Максим. Моя первая, и, к сожалению, почти безответная влюбленность. В последний раз мы виделись, когда мне было шестнадцать, а ему семнадцать...

То, что было в моем ночном подсознании и вспоминать-то стыдно. Я даже с мужем такого не вытворяла. В голове

всплывали навязчивые картинки из сна. В груди не просто стучало, а барабанило. Я резко села, пытаюсь переключиться на другие мысли. Муж заворочался, бормоча что-то невнятное.

Бесшумно, стараясь не касаться пола, как сапер на задании, я проскользнула в ванну. Включив кран с холодной водой, я набрала полные ладони и плеснула в лицо. Повторив эту процедуру дважды, я немного остудила свой жар. Если не во всем теле, то хотя бы на щеках.

Не вытираясь полотенцем, я прошла на кухню и включила чайник. Пока он закипал, я сидела, прислонившись затылком к холодной, бетонной стене, и вспоминала...

Это было так давно, что должно было уже стереться из памяти. Однако, почему-то не стиралось. Хотя, признаться, я не так уж и хотела этого. Замуж я вышла рано. В неполные двадцать лет. Променяв тусовки с подругами и свиданья с кавалерами на борщи, уборки и пеленки. Нет-нет. Я ни в коем случае не жалею об этом. Просто воспоминания о Максиме занимают в моей душе особое место. Они напоминают мне о моей ничем не обремененной юности, о той легкости и безответственности, которая была свойственна этой поре...

Я улыбнулась. Вода в чайнике закипела. Я подставила кружку, и кипяток полился, заполняя кухню ароматным запахом. Люди, в моем понимании, четко делятся на две категории: одни любят кошек, другие – собак. Кто-то читает

книги, кто-то смотрит фильмы. Некоторые пьют чай, а некоторые предпочитают кофе. Я относилась к следующей классификации: кошки, книги, чай. Но, это не мешало мне ужиться с мужем, который любил собак, фильмы и кофе.

Может, противоположности притягиваются. Может, они, действительно, дополняют друг друга. Но, скорее всего, мы подписали негласный пакт о ненападении на интересы друг друга еще в те времена, когда просто встречались. И теперь продолжали соблюдать его в браке.

Сегодня чай не бодрил. Он окрашивал мои воспоминания, наполняя их цветом и живостью.

– Доброе утро! А что завтрака сегодня не будет? – Муж недоуменно окидывал взглядом кухню. И меня. Зрелище, очевидно, было еще то... Погрузившись в мысли о своей ушедшей юности, я застыла над бокалом и уставилась глазами в стену. Обратив свой взор внутрь себя. Со стороны казалось, будто я медитирую.

– Ой, ты уже проснулся? – Я суетливо вскочила и принялась метаться между столом и холодильником.

– Ну, вообще-то пора было просыпаться. Странная ты сегодня. Как будто какая-то взъерошенная. – Руслан почесал щетину. – Я в ванну.

– Давай! Я как раз завтрак быстренько сооружу.

Пока муж мылся, я металась по кухне как угорелая бабочка, которой через пять минут пора было превращаться в гусеницу. К возвращению супруга его ждал накрытый и аро-

матно-пахнувший стол. Кофе, тосты с ветчиной, прожаренные до полухрустящего состояния. Всё, как он любит. Несомненно, моя расторопность его обрадовала. Руслан широко улыбнулся, подошел ко мне и чмокнул в макушку. Сказав при этом, что я чудо, а не жена. Да уж...

Весь завтрак я старательно прятала глаза и пыталась сделать вид, что крайне увлечена разглядыванием чайнок в чашке. Мне было невообразимо стыдно... За наши совместные десять лет я ни разу не изменила мужу. Более того, мне даже не хотелось этого делать. А тут вдруг этот сон. Да притом такой реальный, что я чувствовала себя неловко и виновато. Еще и фраза пришла на ум: «Падение в бездну начинается не с поднятой для шага ноги, а с шевеления лежащей в голове мысли». И так мне сделалось нехорошо, что аж передернуло, как от озноба. Сразу захотелось согреться. Я подошла к мужу и прижалась, обнимая. Он сразу же отложил недоеденный бутерброд и в ответ обнял меня еще крепче...

– У тебя точно всё хорошо? Говорю же, странная ты какая-то...

– Хорошо! Только почему-то грустно и немного тревожно.

– Ты не заболела? Слушай, а может у тебя эти твои «женские» дни скоро? – Руслан проявлял чудеса сообразительности.

– Скорее всего, ты прав! – Как хорошо, что половину эмо-

циональной составляющей женской жизни можно спихнуть на эти самые «дни»...

– Может, не пойдешь сегодня на работу?

– Ага... По-моему в России еще не ввели закон, позволяющий в первые дни проявления «женственности» спокойно погоревать дома над нашей незавидной участью...

Мы оба посмеялись над моей незамысловатой шуткой. Напряжение было снято. К нашей обоюдной радости. И мы разбрелись, каждый по своим делам, чтобы вечером вновь встретится на нашей родной и уютной кухне.

Глава 5 (Максим, тогда)

Я проснулся с ясным осознанием того, что утро не задалось. Серая полоска света пробивалась сквозь неплотно задернутые шторы. Я поморщился, вспоминая свой сон. Сегодня опять полночи ушло на выполнение этих чертовых, ненавистных мне команд. Их отдавал в голове отцовский металлический тембр. «Смирррно!», «ррравняйся!», «10,11..35..89..», «отставить, новый счет!». И я крутился заведенным волчком, пытаюсь успеть за пулеметом его слов.

Устало вздохнув, я перекатился на вторую половину кровати.

– О, нет! Только не это... – Я даже застонал от досады. – Черт-черт!!

Во сне я так разволновался, боясь не выполнить вовремя команды этого «гениального спортивного воспитателя», что даже не сумел проконтролировать свой мочевого пузырь. И намочил простынь.

От злости и бессилия я принялся колотить, что есть мочи, по этим мокрым тряпкам. Вымещая всю свою боль и гнев на этот белый, безликий материал, который так подвел меня ночью... Эти приступы – большая редкость для меня. Особенно во взрослой, сознательной жизни. Причем, к моему огромному счастью, все они случались как раз в то время, когда жена отсутствовала по каким-либо причинам. Иначе

я бы никогда не пережил этого мокрого позора. Хотя сейчас это не имеет никакого значения. Вот уже год как мы с Софией в разводе...

Давящее состояние после дурного сна стало немного отступать. И я лег, раскинувшись на сухой половине кровати. Вставать не хотелось. В кои-то веки у меня заслуженный выходной. Хотя, если честно, после того, как София ушла, я стараюсь брать дежурства или сверхурочные. Просто потому что не знаю, чем занять себя в пустом доме. Раньше, не смотря на мои ворчания и недовольства, жена все время пыталась задействовать меня в каких-то домашних делах. И я, не осознавая этого в полной мере, был полноценным членом семейной общины. Вместе с ее заботами, хлопотами и нескончаемой суетой. Теперь же все стало иначе... Пустой дом может рождать только пустые мысли... А мне этого не слишком уж хочется. Поэтому выходные мне заменили всякого рода подработки.

Я лежал и тер глаза, пытаюсь не уснуть. Еще одного такого кошмара сегодня я не переживу. Мозг помимо моей воли продолжал выхватывать кадры из сновидения. Я отжимаюсь от пола, и каждое поднятие моего тела сопровождается хлопком в ладони. Если удара не происходит, счет начинается сначала. Сто раз... Сто гребаных раз я должен был отжаться и столько же хлопнуть. К концу занятия у меня шумело в ушах. Даже не столько от перенапряжения, сколько от звука этих хлопков. Если я все же доходил до финала, то

отец самодовольно улыбался и говорил, что может из меня и вырастет «путевый мужик». Если же моих сил не хватало, и я валился на пол как рваный боксерский мешок, мне было несдобровать. Даже сейчас, когда отца уже нет в живых, я до мельчайших штрихов помню его глаза, которые становились узкими, как щелочки, и голос. Он наклонялся ко мне вплотную, говоря тихо и вкрадчиво: «Двести раз...». И ад начинался заново. Раньше я пробовал убежать прямо во время наших тренировок. Но, отец неизменно догонял меня. И запирал в чулан на весь день. Без еды. Без света. В этой пыльной каморке метр на метр. Я помню, как мама кричала на него, потом плакала и рвалась меня выпустить. Тогда отец таким же металлическим голосом, каким отдавал команды мне, говорил ей: «Ты мне сына не уродуй! Я из него настоящего мужика сделаю! А не педиков, которые сейчас по школе бегают... Ни отжаться нормально не могут, ни через козла прыгнуть, ни по канату залезть. Тьфу! Гадость одна. Прилизанные или наоборот хвостатые... Так что только попробуй его выпустить раньше срока»...

Я сел и в который раз потер глаза. Лежать на этом мокром свидетеле моего кошмара не хотелось. Рывком поднявшись, я подошел к окну и резко раскрыл шторы. Небо было сплошь затянуто серыми тучами. Март. Терпеть не могу этот месяц. Вроде еще не весна в общепринятом ее понятии, но уже и не зима. Так середина-наполовину... Слякотно и мокро.

Я подошел к кровати и брезгливо потянул за край простыни. Стащив одним пальцем, я отнес ее в ванну. Там, скомкав этот белый с большим желтым разводом материал, я засунул его в стиральную машину и доверху насыпал порошка в соответствующее отделение. Задержавшись в ванне еще на пару минут, я умылся и почистил зубы. Холодная вода немного взбодрила меня. И я даже позволил себе улыбнуться отражению в зеркале.

На кухню я пришел уже в более благостном расположении духа. Предвкушая утреннее чаепитие в компании со свежесваренным молочным улуном. Открыв шкаф, я пару секунд полюбовался стройными рядами баночек с чаем. Точнее, с десятками видов чая. Правой рукой я потянулся к одной из них, а левой – нажимал на кнопку чайника. Я всегда так делал по утрам... Чтобы как можно скорее вдохнуть аромат этого бодрящего напитка.

София терпеть не могла чай. Это был один из тех «недостатков» в ней, который раздражал меня с каждым днем всё больше и больше. Кофе, какао, цикорий... Я на дух не переносил эти напитки у себя в доме. Кстати, любителем чая я стал благодаря отцу. Он знал, что утреннее чаепитие поможет сгладить ужас вечерних событий. Поэтому специально покупал вкусные сорта и выбирал под них самую ароматную выпечку в ближайшей кондитерской. С утра Звонарев-старший был совершенно другим. Улыбчивым и разговорчивым. Он знал, что впереди еще целый рабочий день, в котором он

будет делать из «школьных педиков» «настоящих мужиков». Поэтому с утра, и я был спокоен, зная, что весь день можно жить без этих тренировок. А про вечер я старался не думать...

Мои воспоминания прервал звонок мобильного телефона. На табло высветился номер моего напарника – Сашки Кремлева.

– Здорово, Кремль!

– Привет, Звонарь! Слушай, братан, выручи меня! Выйди сегодня на дежурство. Сам не могу – всю ночь температура под сорок держалась.

– Ого! Да не вопрос! Конечно, выйду!

– Спасибо! Сам знаешь – услуга за услугу. Сочтемся потом.

– Да ладно тебе! Выздоровливай.

Если честно, я даже был рад звонку Сани и этому внеплановому рабочему дню. Служба отвлекала меня. Я мог работать на рейдах день и ночь. Мог часами сидеть в засаде или бежать за этими отморозками по несколько километров. За это я даже готов был сказать отцу: «Спасибо». Но не сказал, а теперь уже и не скажу... Благодаря моим умениям и выносливости несколько лет моя фотография заслуженно висит на доске почета в главном министерстве МВД. Ну, да хватит на сегодня воспоминаний. Я допил чай, накинул куртку и вышел из квартиры.

Глава 6 (Алина, тогда)

Менеджер по подбору персонала, которым я честно тружусь уже на протяжении пяти лет, не самая завидная работа. Это я вам говорю, положи руку на сердце. Я даже скажу, совсем не завидная. Ты можешь плавно колыхаться в своем офисном аквариуме, решая текущие дела и закрывая появляющиеся вакансии... Как вдруг где-то неизбежно случается аврал. Открытие нового магазина, массовый уход в декрет молодых сотрудниц и прочее-прочее. Это означает, что озверелое начальство вспоминает, что где-то есть этот самый специалист по кадрам, на которого он и спустит голодных, разъяренных псов своего гнева. И всё... Полетел пух да перья.

Такие авралы для меня не редкость. Они случаются примерно раз в пару месяцев. Поначалу я рыдала, заливая слезами подушку и спящего мужа. Понимая, что столько нужных людей да в такой короткий срок мне не найти никогда. И меня обязательно уволят за профессиональную непригодность. После нескольких стандартов «афобазола», затем еще пары «новопассита», я поняла, что так относиться к работе нельзя. Либо она тебя сожрет и не подавится. Либо ты сожрешь ее, и больше никогда не будешь плакать над ее костями. Я выбрала второе. И на все крики начальства усиленно кивала головой, говоря: «Да-да! Сейчас всё исправим! Всё решим!

И людей найдем...». Ага... А сама в это время вспоминала в голове фразу из всеми известного кинофильма: «И тебя вылечат... И меня вылечат...». Проблема не решалась, но сердце перестало вздрагивать от повышающихся вибраций в голосе шефа.

Сегодня мои мысли были настолько далеки от работы, что даже моя напарница, точнее сказать, ассистентка, заметила это. И задала вопрос:

– Алина Андреевна, с вами всё в порядке? Какая-то вы бледная!

– Да, Наташенька, всё хорошо! Голова с утра болит. Не обращай внимания!

– Если что-то понадобится, вы скажите! Я мигом сбегую.

– Спасибо тебе! Ничего не нужно.

Я улыбнулась, глядя в сторону своей помощницы. Мы работаем с ней совсем недавно, даже меньше полугода. Но, за это время Наташа показала себя старательной и способной девушкой. Еще и приятной в общении. Мы даже с ней сдружились. Ну, насколько вообще можно назвать обсуждение рабочих и иногда личных тем дружбой.

Сегодня она была права как никогда. В моей голове разве что только якоря не кидали, так меня штормило. Да что там штормило... Кидало из стороны в сторону! Два часа назад я нашла страницу Максима в контакте. Да... Не удержалась... И сейчас, втайне от Наташиных глаз, разглядывала его фотографии. Господи, как же он возмужал! Это уже не тот мо-

лодой парнишка, с застенчивой улыбкой и ямочкой на щеке. Нет, ямочка-то осталась. А вот наивной улыбки как не бывало. Ровно, как и тощенького тельца. С фотографии на меня смотрел красавец-мужчина: плотное телосложение, бугры мышц, лихая ухмылка и та самая обаятельная ямочка. Мои щеки запылали румянцем. Я вспомнила свой сон и в моей сумбурной голове промелькнула мысль, что я вовсе не прочь была бы претворить его в реальность. Но, уже не с тем мальчиком из юности, а с этим здоровяком.

Да что со мной такое?! Что-то я расхрабрилась! Резко закрыв страницу контакта, я встала и вышла из кабинета.

Стоя в коридоре, под холодной струей кондиционера, я немного остудила свой пыл и проветрила голову. Качать вроде перестало.

– Так. Надо вернуться в кабинет и продолжить работу. Хватит этих дурацких мыслей.

Меняхватило ровно на двадцать пять минут. Заполнив очередную анкету на кандидата, я отправила ее по почте шефу и зашла в Контакт. Трясущимися руками я ввела данные Макса в строку поиска. Увидев его профиль, я в нерешительности замерла. Пульс бухал, наверное, со скоростью 120 ударов в минуту. Ладони повлажнели. А в голове была только одна мысль: Добавить в друзья... Добавить в друзья. Такое, казалось простое действие, ввергло меня в ступор и замешательство. Я желала этого всем сердцем. И всем сердцем же отвергала. Меня пугало и отталкивало то, что как

только он примет заявку, я вряд ли справлюсь с тем, чтобы написать ему. А это уже чревато последствиями... Мысль о муже привела меня в чувство. Но ненадолго. Мозг плавился, как сталь под температурой 1500 градусов. Рука сработала раньше расплавленной головы, и я нажала кнопку: «Добавить в друзья». Тут же, испугавшись этого, я быстро закрыла Контакт. И резко выключила компьютер. словно это смогло бы что-то исправить...

Выбежав из кабинета, я заметила, как недоуменно смотрит на меня Наташа...

Стоя в коридоре уже во второй раз за сегодняшний день, я почему-то пожалела о том, что не курю. Говорят, что никотин снимает уровень стресса. А мне бы это сейчас, ох, как не помешало! Хотя насколько это верное утверждение, мне судить сложно. Так как за все годы, даже подростковые, я ни разу не взяла в руки сигарету. Что уж теперь-то начинать... Я усмехнулась, представив себя, тридцатилетнюю тетку с бегающими глазами и сигаретой в руках, которая прячется от мужа, как школьница от родителей. Чего-чего, а этого Руслан, особо непьющий и некурящий, уж точно бы не одобрил. Не знаю, как насчет никотина, но сами мысли об этих дымящихся крошечных огоньках отвлекли меня и привели голову в нечто наподобие порядка.

Вернувшись в офис, я, как ни в чем не бывало, села за компьютер. Сделала невероятно умное лицо и принялась стучать пальцами по клавиатуре. Сам Ломоносов позавидо-

вал бы моему умному выражению лица сейчас. «Главное – образ!» – Подумала я и сама же усмехнулась этому.

Наташа напряженно косилась на меня, но ничего не спрашивала. А я так боялась открыть свою страницу в Контакте, что за два последующих часа переделала столько работы, сколько и за день порой не выполняла. Но, как бы ни старался себя обмануть, не выйдет... Уставшая, но довольная выполненным объемом, я закрыла рабочие папки и уставилась взглядом на экран компьютера. Я любила окружать себя картинками и вещами, которые приводили меня в спокойное и безмятежное состояние. Поэтому заставкой моего рабочего и домашнего компьютера служило одно и то же изображение: зимняя ночь, крепкий, бревенчатый дом, стоящий в отдалении, в окнах которого горит свет. Небо, сплошь усыпанное звездами, как маленькими небесными фонарями. Снег, лежащий повсюду, такой белоснежный, что от него даже режет глаза. И ель. Неподалеку от дома. Она вроде и относится к нему, но в то же время держится обособленно. Как будто греется в лучах света от окон... За домом начинается лес. И ощущение, что эта одинокая елка, заблудившись, приблизилась к дому, усиливается. На эту картинку я могу смотреть долго. Она не надоедает. Я смотрю на нее в целом, а иногда рассматриваю мелкие детали. Вот и сейчас я задержала на ней взгляд и поняла, что просто обязана посмотреть ответил ли Максим на мой запрос. Волнение немного утихло, я кликнула мышью по закладке и вошла на свою страницу.

Колокольчик оповещения мигал. Я уже догадалась, о чем он хотел мне сообщить. Но, все же решила подтвердить эту догадку и нажала на него. «Максим Звонарев принял Вашу заявку в друзья». Я глубоко вздохнула. Даже слишком глубоко. Моих легких не хватило для этого объема кислорода. И мне показалось, что меня сейчас разорвет. Толи от воздуха, толи от распиравших меня чувств. Поддаваясь минутному порыву, я быстро набрала сообщение, состоящее из трех самых простых слов: «Привет! Как дела?» И не задумываясь, отправила. Не буду себя обманывать, я хотела этого с того момента, как вспомнила свой сон...

Глава 7 (Максим, сейчас)

Я открыл глаза и сразу же вспомнил весь вчерашний вечер в деталях. Мысль о том, что Алина сейчас находится одна в запертом доме, доставила мне удовольствие. Я широко и блаженно улыбнулся, потягиваясь. Давно у меня не было такого замечательного утра. Я терпеть не могу бредни этих «ванильных» людей, которые говорят: «Улыбнись миру и мир улыбнется тебе в ответ». Ага. Черта с два. Закон бумеранга не работает. Есть сильные, и только они улыбаются. А есть слабые. И они делают всё, чтобы сильные улыбались. Всё просто. Третьего не дано.

Я собрался, быстро позавтракал и сел за руль. Энергия во мне буквально бурлила. Я врубил музыку, и машина наполнилась мощным голосом Кипелова:

Надо мною тишина,
Небо полное дождя.
Дождь проходит сквозь меня,
Но боли больше нет.
Под холодный шепот звезд
Мы зажгли последний мост.
И всё в бездну сорвалось.
Свободным стану я
От зла и от добра.
Моя душа была на лезвии ножа.

Звучавшая песня настолько отражала моё внутреннее состояние, что я невольно начал подпевать. И так увлекся, что чуть не проскочил на красный свет, но вовремя затормозил, скрипя колесами.

– Так. Спокойно. Еще не хватало влететь в кого-нибудь. – Я одернул сам себя. И глубоко вдохнул. Чтобы немного отвлечься от своих мыслей, я повернул голову и увидел сбоку эффектную блондинку на BMW X6. Она мне улыбалась. Твою мать! Она реально мне улыбалась. Наверное, сегодня я излучал особые флюиды. Естественно, я тоже улыбнулся ей. И подумал:

– Нет, дорогая. Ты не успела. В моей клетке другая птичка. Хотя ты, безусловно, была бы более красивой канареечкой.

Подумав так, я усмехнулся своему же остроумию. И отвернулся от блондинки.

Зажегся зеленый. И девица на BMW, пришпорив свою кобылку, сорвалась с места, оставив меня с носом.словно обидевшись, что я не горю желанием встать в ряды ее поклонников. Я не рванул за ней. Наоборот, сделал музыку тише и успокоился.

Я ехал, держа положенные 90 км в час, и думал о нашей переписке с Алиной. Она говорила, что всегда мечтала о большом медведе, но муж не покупал его ей. Считая это детским капризом взрослой женщины. И бесполезным

«пылесборником». Мне вдруг пришла в голову гениальная мысль. Я круто развернулся на ближайшем перекрестке, заставляя гадать над моим маневром других водителей. И погнал свою железную подругу обратно, в город. Минут через десять я увидел небольшой торговый центр. Вывеска мальчишки, держащего в руках огромную машину, дала понять, что я двигаюсь в правильном направлении. Припарковавшись, я вошел в магазин и был удивлен выбором, который предстал передо мной. Этих чертовых медведей было штук триста. Маленькие, средние, большие. Коричневые, розовые, белые. Я кое-как выбрал одного, не самого большого, но тоже довольно внушительного. Оплатив его на кассе, я пошел к выходу. И наткнулся взглядом на цветочный киоск. Под влиянием момента я кинул продавщице три тысячи и попросил букет с лилиями. Она улыбнулась и сказала, что моя девушка обязательно оценит этот выбор. Я кивнул и подумал: «Конечно, оценит! Особенно сейчас, когда своего выбора у нее нет...»

Еще раз, развернув машину, я помчался по шоссе. И уже через двадцать минут свернул с трассы на проселочную дорогу. Она была расчищена до определенного места. Там, где кончалась деревня, снега было уже по колено. Поэтому до того, как привезти сюда Алину, я расчищал его самостоятельно, лопатой. Дорога была ухабистой. И это ненадолго отвлекло меня от моих мыслей, но вскоре я опять к ним вернулся.

Я предвкушал нашу встречу. Первую встречу в этом до-

ме. Я ноздрями чувствовал ее страх. И был возбужден этим. Верх цинизма получить в подарок безделушку, о которой мечтала, заплатив за это собственной свободой. Я словно добрый джинн, который исполнит ее желание. Но джиннов, как известно, не бывает. Поэтому за все придется платить. Самым дорогим, что есть у человека. Свободой. Я знал об этом не понаслышке. В чулане, в котором запирали меня отец, нельзя было даже выпрямиться в полный рост. Мне оставалось только сидеть, согнувшись и прижав к себе колени. Спина затекала от неудобного положения. Я начинал просить Бога, чтобы папа скорее открыл меня. Но, этого не происходило. Я обещал, что буду всегда говорить только правду, помогать маме и бабушкам во дворе. Но и это не работало. Я сидел там часами. Поэтому этот дом – даже слишком шикарный подарок с моей стороны. Открыв окно, я зло сплюнул.

Наконец, я добрался до места. Вытащив медведя с заднего сидения, я захватил цветы и захлопнул машину. Подходя к дому, я испытывал такой выброс адреналина, который был сродни получению медали за первенство в чемпионате по дзюдо. Сердце бухало. Я нашел ключи и даже не смог попасть в замочную скважину с первого раза. Войдя в дом, я очутился в полумраке. Свет в прихожей не горел. Единственным источником освещения служила неяркая лампа на кухне. В остальных комнатах царил темнота. Я не увидел Алину. Только услышал в оглушающей тишине дома, как кто-то

шумно дышит в дальней комнате. Включая свет, я быстрыми шагами пересек комнату и нашел её.

Она сидела, съежившись на полу, прижимая к себе сумку, и дрожала. Она настолько напомнила мне самого себя. Маленького, беззащитного. Что я невольно поддался вперед с намерением ее пожалеть. Но, девушка отшатнулась и подняла на меня глаза, полные не столько ужаса, сколько непонимания. Трясущимся голосом она сказала:

– «З-зз-здравствуйте».

Я не понял, почему она так странно поздоровалась со мной. словно видела в первый раз. На всякий случай, я промолчал. Она тоже молчала. Минуты две мы смотрели друг на друга, словно изучая. Затем Алина не выдержала и сказала:

– Извините, но я не знаю, кто вы...

Эта фраза настолько меня ошарашила. Выбила из колеи. Спутала весь мой сценарий, что я даже не знал, что сказать. Хотя если честно, в глубине души я был несказанно рад этой внезапной, необъяснимой для меня амнезией. Что могло этому поспособствовать? Я не бил ее... Она не ударялась... Странно. В моей голове мысли крутились, подобно шестеренкам. Хорошо. Допустим. Она ничего не помнит. Не помнит, кто она. Кто я. Да это же только мне на руку! Господи! Я даже ухмыльнулся, подумав о том, как несказанно мне повезло. Мозг работал на полную мощь, придумывая новый план. Отец научил меня быть хорошим актером.

Смеяться, когда хотелось реветь навзрыд. Плакать, если тебя на самом деле разбирал смех. Говорить то, что хотят от тебя услышать. Поэтому сейчас я изобразил на лице самый настоящий трагизм и сел на пол. Для пущей убедительности закрыл лицо руками. И мотал головой. План в ней только крепчал, обрастая новыми подробностями как кораллами.

Поломав трагедию пару минут, я убедился, что Али-на окончательно утратила способность что-либо понимать. И тогда я выдал первую часть моего замысла:

– Как я боялся этого! Всё было так хорошо... И вот опять. Снова всё по кругу. Твои приступы... Они не прошли... А я так надеялся! За последние пару лет я напоминаю тебе это уже в двадцать первый раз. Тебя зовут Кристина. И ты – моя жена...

Глава 8 (Алина, сейчас)

– «Кристина...» – Я произнесла это имя, но кроме вибрации голосовых связок, больше ничего не почувствовала. Почему-то в голове всплыло слово: «пенопласт». Какое-то легкое, пустое имя... Повтори его несколько раз и оно раскрошится, распадется на отдельные мелкие части. Сознание не хотело его принимать, но ничего другого мне не оставалось.

Я молчала. Парень напротив тоже молчал, вглядываясь в меня, ожидая, моего ответа. Но, мне нечем было его обрадовать. Пустота... К горлу стал подкатывать плотный комок, и я не смогла его сдержать. Он прорвался наружу потоком слез. Я заревела взхлеб, поджав к себе колени и уткнувшись в них лицом. Мои длинные спутанные волосы падали вниз, закрывая меня, словно занавес, от всего мира. Парень подскочил и обнял меня: «Крис, маленькая моя, не плачь! Я сейчас всё тебе расскажу, и ты вспомнишь. Ты ведь всегда все вспоминаешь!» Он гладил меня по голове, вытирал мокрые щеки, что-то шептал. Но, я уже не слышала его слова.

– «Это какой-то кошмар! Дурной сон. Надо заставить себя уснуть и всё пройдет...» – Я мысленно уговаривала себя, что всё это неправда. Что это может произойти с кем угодно, но не со мной. Что он говорил про эти приступы? Что они у меня случаются часто?! Господи, я врагу не пожелаю этого

ощущения! – «Так. Спокойно! Соберись. Если ты будешь лежать и плакать, то уж точно ничего не узнаешь! И не вспомнишь».

Я убрала ладони от лица и высвободилась из его объятий. Он настороженно смотрел на меня, словно не зная, чего ожидать. Я виновато вздохнула и поняла, что лучше уж узнать всё от него, чем мучить в догадках мозг. Который и так уже отказывался мне служить.

– Прости меня! Эти слезы... Они от страха. Я не помню себя. Я не знаю, кто ты. Я не узнаю место, в котором нахожусь. Я прошу тебя, расскажи мне всё. Для начала хотя бы общую информацию.

Парень тоже вздохнул. Заглянул мне в глаза и покачал головой.

– Давай так. Мы сейчас пройдем на кухню, нальем чаю и спокойно обо всем поговорим.

Его рука потянулась ко мне и почему-то испугала меня. Я невольно отшатнулась от него. Он опять мотнул головой:

– Хорошо! Иди сама. Сможешь?

Я кивнула и попыталась встать, опираясь на стену. Меня качало. Голова слегка кружилась, но в целом идти я могла. Тот, кто называл себя моим мужем, пошел вперед, изредка оглядываясь и проверяя, как я. Этот короткий переход из комнаты в комнату меня доконал. Я совершенно выбилась из сил и, опустившись на стул, легла грудью прямо на краешек стола. Пока муж занимался приготовлением чая,

я так и лежала. Хотелось разглядеть комнату, и одновременно, не хотелось ничего. Просто так и лежать, уткнувшись лицом в стол. Идеально. Самое то, для человека, который сравнивает свое имя с пенопластом...

Мне показалось, что прошла целая вечность пока передо мной оказалась кружка с горячим, ароматным напитком. Я сразу поняла, что чай свежезаваренный. Листовой, а не пакетированный. Это вызвало у меня слабую улыбку. Я любила именно такой. Пыль из пакетиков вызывала у меня тошноту.

Мужчина, увидев мою улыбку, недоуменно вскинул бровь. Я поняла, что его удивило это. И пояснила:

– Люблю свежезаваренный.

– Ты вспомнила это? – Его зрачки на секунду расширились, затем опять приобрели нормальный размер.

– Нет. Просто мне так кажется. Какое-то подсознательное удовольствие от запаха.

– Да. Так и есть. Ты пьешь только такой чай и не признаешь другого. Ровно, как и я. – Муж улыбнулся.

Я отметила, что мне нравится его улыбка. Такая открытая и располагающая. Даже немного застенчивая. Улыбка хорошего человека. Первый раз за весь сегодняшний день я тоже позволила себе улыбнуться. Мужчина, сидящий напротив, протянул мне руку и сказал:

– Меня зовут Максим. Будем знакомы?

Я протянула руку в ответ, и он крепко пожал ее. Если мое имя никак во мне не отозвалось, то едва услышав его, по телу

пробежали приятные мурашки. И я подумала, что он мне, действительно, не врет.

– Очень приятно, Максим! Очень приятно, муж!

– Ну, что ж... Давай начнем. – Макс отхлебнул чай и начал рассказ о моей жизни. Точнее, нашей жизни...

Глава 9 (Алина, тогда)

Мои вечера похожи один на другой. В пять часов я выхожу с работы. Минут через двадцать забираю Димку с детского сада. Мы быстро, по-спартански одеваемся и идем домой. Можно сказать, почти бежим. У меня в запасе остается час, чтобы приготовить ужин. Руслан возвращается примерно в половину восьмого. И тогда мы всей семьей садимся за большой круглый стол. С самого детства я мечтала о таком столе. Обязательно круглом. Это объединяет. Подсознательно дает ощущение родства между теми, кто за ним сидит. Поэтому этот стол стал нашей первой совместной покупкой с мужем. И вот уже десять лет радует нас, являя собой олицетворение семейного уюта.

Этот вечер не стал для нас исключением. Единственное, что отличало его от предыдущих вечеров – моя поспешность. Я торопилась, когда готовила борщ, когда разливала его по тарелкам и даже, когда ела его. Руслан же, наоборот, был в том благостном расположении духа, который настраивает на долгие разговоры после трудового дня. Муж что-то рассказывал, шутил и ждал от меня той же реакции. И впервые за десять лет я не смеялась над его шутками. Или делала это невпопад. «Быстрее. Быстрее. Быстрее. – В моей голове крутилась только эта мысль. – Быстрее доедайте и расходитесь по своим комнатам». Это был мой единственный мыс-

ленный призыв к домашним. Я хотела, как можно скорее добраться до своего мобильного и открыть «Контакт». А что если Максим уже давно ответил?! Если так, то, что именно? Может он уже давно стер из памяти девчонку, которая была когда-то влюблена в него... И теперь даже не узнает её лицо. А может у него слишком ревнивая жена, которая проверяет телефоны и держит поводок их отношений в своей руке?! Или же он, наоборот, ждал этого сообщения. И теперь, глядя на фотографию ее профиля, на которой она, безусловно, похорошела и стала более роскошной, жалеет о том, что упустил тогда свой шанс.

Мои мысли были где угодно, но только не за этим круглым столом. Димка поел и, поцеловав меня в знак благодарности за ужин (так у нас заведено), убежал в свою комнату. Я собрала грязную посуду и принялась торопливо мыть.

– Заюш, а давай какой-нибудь фильм посмотрим? – Руслан подошел ко мне сзади и обнял. – Брось ты эти тарелки.

Если честно, я удивилась. Это было настолько не похоже на Руслана, что я даже поверила в шестое мужское чувство. Муж держал меня в своих объятиях так крепко, словно хотел привязать к себе мои беспокойные, далекие мысли.

– Зай, давай не сегодня! Я просто хочу поваляться и отдохнуть. – В мои планы сегодняшней просмотр фильма не входил. И я попыталась увернуться.

Но, мужа было не пронять. Он крепко сжимал меня.

– Ну, дай хоть немного так постоять! Когда я обнимаю те-

бя сзади, мое сердце бьется в такт с твоим. И создается впечатление, что на двоих у нас одно сердце. – Он даже сам рассмеялся от своих слов. – Смотри, какой я у тебя романтик! Старый сентименталист...

Я тоже деланно рассмеялась. И расслабилась. Надо выдохнуть. Никуда это сообщение от меня не денется. А муж может что-то заподозрить.

Мы постояли так еще минуту. Затем Руслан пошел выбирать фильм для просмотра. А я, воспользовавшись моментом, проскользнула в ванну и закрыла дверь на засов. Там я, как шпион, боясь быть замеченной, достала телефон и открыла заветную вкладку. Долгожданный конвертик ждал меня на странице, давая понять, что мне ответили. Я открыла его и зажмурила глаза, используя этот детский прием для переживания особо волнительных моментов.

«Привет, Алинка-Снежинка! Рад тебе. У меня всё хорошо. Служу России. Как ты?». Эти пять коротких предложений внесли полную сумятицу в мои и без того беспокойные мысли. Сердце затрепетало. Он помнит, как меня называл! Алинка-Снежинка! Он помнит! Совершенно не зная, что ответить, одно я понимала точно: надо как можно скорее выходить из ванны. Причем с невозмутимым, ничего не выражающим лицом. Если я не хочу, чтобы этому конвертику «обрадовался» и муж...

Поэтому я сполоснула лицо холодной водой и бодро вышла из спальни, надеясь, что стук моего сердца слышен толь-

ко мне.

Руслан в тот вечер был так нежен, что я невольно забыла и про Максима и про всё на свете. Отсутствие секса не испортило впечатления от него. Наоборот, оставило в памяти чувство, при воспоминании о котором в животе щекочут бабочки... Муж водил подушечками пальцев по моей спине и ногам. Едва заметно касаясь кожи. Словно боялся, что более грубые прикосновения убьют атмосферу легкости и воздушности, которая тогда витала в воздухе. Сюжет фильма запомнился нам только названием и титрами... Вся его суть прошла мимо нас. Мы прижимались друг к другу, стараясь заполнить каждую клеточку теплом, как будто все батареи мира вдруг разом отказали. Руслан наигрывал пальцами на моей спине какой-то незамысловатый мотив. Я вторила его, проигрывая в голове. Еще в ней крутилась мысль о том, что музыка между двумя людьми рождается от прикосновения не к телам, а к душам. Во мне проскользнула тень сожаления, что в браке мелодия счастья перебивается звуками скандалов. А то и вовсе заглушается ими. Я тряхнула головой, отгоняя ее. И уткнулась мужу в ключицу, пытаюсь спрятаться там от всего мира. И в первую очередь, от себя самой... Это был один из самых лучших наших вечеров.

Руслан уснул быстро. Меня же сон навещать не спешил. Я всячески старалась думать только о муже. Но, маленькие предатели в сером веществе упорно советовали мне взять в руки телефон. Чтобы проверить в онлайн ли Максим.

Мне самой стало мерзко от себя. Фууу... Я в жизни никогда не позволяла себе смотреть на других мужиков. Да, у нас не самая счастливая семья. Но, точно уж не хуже, чем у других. Мы столько всего вместе пережили! Один только крах компании Руслана чего стоит... Я помню день, когда это произошло, как вчера. Он напился так, что двое друзей с трудом подняли его на этаж. Я никогда не видела его в таком состоянии. Не человек, а тело, мешок неподъёмных костей. Мой непьющий муж «насохатился» так, что не мог стоять на ногах! После этого у нас была черед безденежья... Глухого, непроходимого безденежья... Мы ездили только на трамваях и троллейбусах. Ели жареную картошку и гречку. Это случилось после двух лет нашей совместной жизни. Понадобилось кучу времени, чтобы наши доходы стали покрывать расходы.

А мои напрасные попытки забеременеть... Четыре года у нас ничего не выходило... И только когда я уже опустила руки, устав бегать по врачам, Бог послал нам драгоценный подарок – Димку. Когда я рассказала Руслану о двух полосках, он упал мне в ноги и ревел...

Я очнулась от воспоминаний, почувствовав, как по моей щеке течет мокрый ручеек. Стерев его тыльной стороной ладони, я плотнее прижалась к мужу, мысленно обещая больше не писать Максу. «Даже думать про него не буду!» – Пообещала я себе. И гордясь принятым решением, уснула.

Глава 10 (Максим, сейчас)

О таком повороте я не смел даже мечтать. Мне выдалась небольшая роль Создателя... Я всегда думал, что только из маленьких детей можно вылепить то, что тебе заблагорассудится. Однако я ошибался. Мне посчастливилось принять участие в великом эксперименте. Я получу то, о чем мечтают тысячи мужчин: жену, которую сделаю сам. Я могу рассказать ей о чем угодно... О любых событиях и эмоциях, которые их сопровождали. И она всё примет за чистую монету! Её память, по каким-то не известным мне причинам, отторгла всю прошлую жизнь, уступив место новой.

Я никогда особо не хотел жениться, и уж точно не хотел заводить детей. Брак с Софией получился спонтанным и ненужным. Мы так и не сумели стать по-настоящему близкими людьми. Сказать по-честному, мы даже и не стремились к этому. Каждый из нас жил своей жизнью. Нас скрепляли только необходимые бытовые дела, которые неизменно придумывала София. А я, как нормальный мужик, не мог видеть женщину с молотком или перфоратором в руках. Поэтому мне и приходилось участвовать в благоустройстве нашего «семейного гнезда».

Эти мысли крутились в моей голове, пока я заваривал чай. Наконец, мы уселись друг напротив друга, и я мог погрузиться в рассказ о «нашей счастливой семье».

– Мы познакомились одиннадцать лет назад. На вечеринке, посвященной новогоднему корпоративу. Ты пришла туда со своим бойфрендом. – В этом месте Алина удивленно подняла бровь. – Да-да! Тогда ты была не свободна. Но, это ничуть меня не смутило. Я сразу выделил тебя. Самая статная, самая красивая, в самом блестящем платье. Однако, это не мешало тебе держаться скромнее всех девушек, которые там были. Я смотрел на тебя и не мог налюбоваться.

Алина густо покраснела, и я, улыбнулся, заметив, как приятна ей моя оценка. Что, впрочем, не удивительно! Девушки – самые предсказуемые из всех существ на земле. Скажи любой из них, что она красавица – сразу зардеются, улыбнутся... Ну, истинные феи! Тьфу. Я мысленно сплюнул. И невозмутимо продолжил:

– Мы столкнулись с тобой в коридоре. Я подошел к тебе и прямо сказал, что ни одна присутствующая здесь девушка не сравнится с тобой в красоте.

На самом деле, я не врал. Это, действительно, были воспоминания Алины. Только на месте ее настоящего мужа был я. Вот и всё. Она сама рассказывала мне историю их знакомства. И мне оставалось сейчас только складывать кирпичики её новых воспоминаний на старый фундамент. Кирпич за кирпичиком. Глядишь, что-нибудь, да и выстроим! Я самодовольно ухмыльнулся.

Алина жаждала продолжения. Не выдержав моей паузы, она спросила:

– И что я тебе сказала? Наверное, отшила?

– Как бы ни так! Ты приняла мой комплимент. И сказала, что тебе приятно. Тогда я, краем глаза увидел, что твой парень занят и не обращает на нас внимания. Вытащив свою визитку, я вложил ее тебе в руку.

Алина недоверчиво смотрела на меня:

– Ты еще скажи, что я тебе сама и позвонила?!

– Да! Представь себе! Уже на следующий день. А через два дня мы стали официально встречаться. – И это тоже было истинной правдой. Когда Алина рассказала мне об этом, я еще подумал, что она ветреная и несерьезная. Как можно позвонить какому-то незнакомому мужику? Даже то, что он потом стал её мужем, не оправдывало этого безрассудного поступка. Уже тогда я понял, что Алина одна и из этих неверных и легкомысленных баб. И мне уж точно будет её не жалко.

Наверное, эта злость отразилась сейчас на моем лице, потому что Алина настороженно сдвинула брови и спросила:

– Ты чего? Всё в порядке?

– Да. Просто вспомнил, как твой бывший ухажер не давал нам покоя, и мне даже пришлось с помощью кулака объяснять его теперешнее положение. – Вот здесь я соврал, чтобы как-то обосновать появившееся раздражение.

В глазах Алины читалась смесь недоверия и восхищения одновременно. Еще бы! Двое парней волтузят друг друга из-за нее...

– А что потом? Когда мы поженились? – Наверное, подсознательно ей хотелось узнать сначала самые радостные события. Она ничего не спрашивала про свою якобы «болезнь» и приступы...

Мне понравилась эта игра. Чертовски увлекательно строить новую реальность для человека. Будучи подростком, я частенько играл в «Sims». Это компьютерная видеоигра в жанре симулятора реальной жизни. Игрок создаёт виртуальных людей – «симов», помещает их в дома, следит за их настроением, помогает им удовлетворять потребности и исполнять желания. Игроки могут заселять симов в уже существующие дома (и при желании перестраивать или обставлять их) или строить свои собственные. Каждые последующие дополнения в этой игре расширяют возможности игроков, добавляя новые функции, предметы и миры для проживания симов. Хах! Кто бы мог подумать, что во взрослом возрасте я смогу завести себе реального, живого «сима».

Чай закончился. А рассказ о нашей прошлой жизни был в самом разгаре. Вдохновившись тем, как внимательно слушает меня «жена», я продолжал говорить:

– Несмотря на быструю завязку наших отношений, поженились мы только через год. К тому времени я был зачислен в оперативный отдел уголовного розыска.

– То есть ты работаешь в полиции? – Алина уточнила.

– Да. – Я не стал скрывать свою настоящую деятельность. Не имело смысла. В таком длительном вранье, это могло

стать убийственным фактом, разрушившим всю мою слаженную фантазию.

– А я? Кем работала я? На кого училась?

Абсолютно не зная ничего про потерю памяти, про ее виды и проявления, я понимал, что накладывать новые воспоминания лучше всего на уже знакомые. Если вдруг какие-то моменты и всплывут в голове, так будет сложнее отличить вымысел от правды. Поэтому в основных эпизодах жизни Алины я решил не врать вообще. Выкладывал всё, о чем знал сам:

– Ты училась на делопроизводителя. Или по-простому – секретаря.

Увидев, как по лицу девушки проскользнуло разочарование, я, воспользовавшись ситуацией, сказал:

– Да, Крис! Каждый раз, когда я тебе об этом рассказываю, ты кривишься и говоришь, что у тебя не могло быть такой скучной профессии. – Я улыбнулся.

– Вот я сразу об этом подумала! – Алина нашла внутри себя отклик на эту фразу. Этот маленький факт совпадения её эмоций и моих слов дал моим позициям подкрепление.

– После учебы ты несколько лет отработала секретарем в ЖКХ. Параллельно с работой окончила курсы на менеджера по персоналу и вскоре ушла в компанию, которая предложила тебе эту должность.

– А сейчас? Я всё еще работаю в той компании? – Алина терла виски. Информации оказалось для нее слишком мно-

го. И я решил, что пора остановить наш разговор и дать ей отдохнуть.

– Крис, давай ты отдохнешь! Может, даже поспишь. А вечером я продолжу рассказ.

– Да. Пожалуй, так будет лучше. А то что-то я и, правда, устала.

Я помог ей встать и дойти до кровати. Накрыв её одеялом, я вернулся на кухню. Потирая циферблат часов, я думал о том, что делать дальше...

Глава 11 (Алина, сейчас)

Я не могла понять, сколько проспала. В доме весь день горел электрический свет. Поэтому ощущение времени терялось. Но, без этого света мы не увидели бы ничего дальше собственного носа. Окна были закрыты ставнями. Создавалось впечатление, что они не просто закрыты, а заколочены.

Поворочавшись немного, я встала. Голова была на удивление свежей. Боль ушла. Какой же это кайф! Как будто сон разгладил собравшиеся в ней складки. Это ощущение ровности и свежести меня обрадовало.

Я прислушалась к себе. Ничего. Воспоминаний так и не прибавилось. Вздохнув, я решила пройтись по комнатам еще раз. Может, какой-то знакомый предмет натолкнет меня на мысли о моем прошлом.

Дом был большим. С высокими потолками и просторными комнатами. Обстановка меня не слишком радовала: такое ощущение, что женская рука давно здесь ни к чему не прикасалась. На это замечание напрашивались три вывода: либо я, действительно, сильно болею, либо я плохая хозяйка, либо мы переехали сюда недавно. Какой из них верный, я не знала...

Спальня представляла собой комнату, в центре которой стояла большая кровать. Мягкая, но уже местами потертая. С левой стороны от нее стояла маленькая тумбочка. На ней

лежала не менее затертая книжка. Я прочитала автора и название: Эрих Мария Ремарк «Жизнь взаимы». Внутри ничего не отозвалось. Но, я точно знала, что этот писатель известен. И что, возможно, я даже читала его. Помимо кровати и тумбы в спальне был шкаф. Он – единственный, кто выглядел новенько. Я провела по нему рукой. Гладкий, как будто недавно отполированный. Еще и моего любимого цвета: винного. Я улыбнулась этой крупнице воспоминаний. Красный. Бордовый. Винный. Все эти оттенки были мне по душе.

Это меня приободрило. Глубоко вдохнув, я и сказала самой себе: «Я обязательно всё вспомню! Обязательно!».

– Что ты сказала? Я не расслышал? – В этот момент с улицы вошел Максим.

Мне пришлось досрочно закончить осмотр дома.

– Да я говорю, что обязательно должна всё вспомнить!

Муж снял ботинки, стряхивая с них снег. От него веяло холодом. Красные щеки только подтверждали мое предположение о погоде.

И я, даже не дождавшись, пока он полностью разденется, задала один из самых волнующих меня вопросов:

– Скажи, а почему у нас весь день закрыты окна?

Мне показалось, что мужу этот вопрос не понравился. Желваки на его скулах напряженно заходили, но тут же снова расслабились. Я чувствовала, что ответ может меня расстроить, но не могла не спросить об этом.

– Это как раз то, о чем я хотел с тобой поговорить. Самая

сложная часть беседы. Я всегда рассказываю тебе об этом в последнюю очередь.

Мы прошли в комнату, в которой я проснулась утром. Два деревянных стула по-прежнему жались друг к другу. На меня эта картина почему-то производила удручающее впечатление. Я подошла и, схватив один из них за спинку, отодвинула от другого. От этого простого действия я почувствовала облегчение. Жестом хозяйки я поправила скатерть на столе. И только тогда села на диван. Макс вошел в комнату и расположился на одном из стульев.

– Эти окна не просто закрыты ставнями. Они забиты.

Он сказал это так просто и буднично, как будто все люди живут в домах с забитыми на гвозди окнами... Мой желудок мгновенно пережал спазм. И меня резко затошнило. Что это за дом такой?! С заколоченными окнами. С человеком, которого я вижу впервые. Вранье. Липа... Может, я и не помню ничего, но это не означает, что я дура! Страх так сильно сковал мое горло, что я почти перестала дышать. Вжавшись в мягкое нутро дивана, я сидела не шелохнувшись. А Максим продолжал:

– Я настолько привык к этому страху в твоих глазах, что уже не удивляюсь и не расстраиваюсь. Первый раз твой провал в памяти случился два года назад. В тот день ничего не предвещало беды. Я как всегда пришел вечером с работы. Только вместо ужина обнаружил тебя, лежащую на полу. Кое-как я привел тебя в чувство. Также как и сейчас, ты ни-

чего не помнила. Я сразу повез тебя в клинику. Там провели долгий и внимательный осмотр. Но, ничего так и не выявили...

Он говорил, а я закрыла глаза. Дурнота усиливалась. Господи, ну почему это со мной?! Если это правда, тогда я точно больна... Мне хотелось, чтобы Максим замолчал. Чтобы я и дальше ничего не знала. Но, он, словно на зло, продолжал говорить:

– Тебя выписали через месяц, сказав, что возможно так на тебя повлияло переутомление и постоянные стрессы на работе. Ты, и правда, мало отдыхала в последнее время. Несколько месяцев после лечения всё было хорошо. И мы забыли об этом инциденте, как о дурном сне. Но, через полгода приступ повторился снова. Затем снова и снова... Я продал машину и дачу, чтобы сделать комплексное обследование. Оно показало, что это, вероятнее всего, диссоциативная амнезия. Симптомы такой амнезии, как правило, возникают на фоне стрессовой ситуации. Если сравнить их возникновение с какими-то другими явлениями, то они сопоставимы с аллергией – возникают как следствие. Такое заболевание имеет целый список необъяснимого поведения. И лечение от этого расстройства только одно – покой и смена места жительства. С минимальным количеством людей вокруг и минимальными контактами.

Открыв глаза, я увидела, с каким сочувствием смотрит на меня муж. И мне внезапно стало стыдно. Я думаю только

о себе! А каково сейчас ему? Каково ему было тогда, когда всё это происходило? Возиться с женой, которая за два года теряла память бессчётное количество раз... Каково ему?! Каждый раз видеть страх в моих глазах. Страх, что я принимаю его чуть ли не за маньяка. Поддавшись нахлынувшим чувствам, я резко встала и, подойдя к нему, обняла. Он крепко сжал меня в ответ, давая понять, что готов меня поддержать и на этот раз...

– А окна заколочены потому, что в один из своих приступов, ты сбежала, разбив одно из них. И я потерял покой, пытаюсь найти тебя на протяжении двух недель...

Я обмякла в его объятиях, понимая, что всё куда хуже, чем я могла себе представить...

Глава 12 (Максим, тогда)

Я не понимаю людей, которые не хотят идти на работу. Которые считают дни до пятницы и придумывают разные поводы, чтобы сбежать домой пораньше. Чем они занимаются дома? Смотрят телевизор? Играют в компьютерные игры? Что их так влечет туда? Почему бы не сидеть на своем рабочем месте и не приносить хоть какую-то пользу обществу?! Я, действительно, этого не понимаю. И, хоть убей, не верю, что все мои коллеги образцовые мужья и отцы. Это уж точно не про них. Просто они все до одного – ленивые задницы! Надо иметь честность и признаться в этом самому себе. Хотя, я преувеличиваю. Не все. К одному человеку это не относится. К моему шефу – Алексею Владимировичу Франку. Чтоб ему пусто было с его немецкой фамилией... Как-то ради интереса я залез в интернет и прочитал о том, как она расшифровывается. Первое определение я отмел сразу: «свободный, честный, открытый». Это явно не про него! Второе пришлось мне по душе: «копье». Это да... Франк – единственный человек, после отца, который внушает мне дикий страх. Одним ударом он может воткнуть копьё своего гнева глубоко во внутренности подчиненных. Вдобавок еще и провернуть... Я помню до мельчайших деталей моменты, когда шеф вызывал меня к себе. К счастью, их было не так много. Его кабинет – это единственное место на работе, с которого

я хочу сбежать.

Я попытался переключиться с этих мыслей. Что-то много времени сегодня я уделил своему начальнику. Не к добру это...

День выдался настолько спокойным, что я заскучал. Не люблю такие «маринованные» дни. Мы, конечно, не за кражи и безостановочные убийства. Просто слишком уж давит это безделье.

Поддавшись порыву скуки, я открыл вкладку на странице «В контакте». Белый конверт мигал, призывая открыть его. Ткнув мышью, я прочел сообщение: «Привет. Как дела?» И только потом поднял глаза наверх и увидел, от кого это сообщение. Алина Воронина (Снежина). Черт! Это же Алинка-Снежинка! Девчонка, которая лет в шестнадцать была по уши в меня влюблена.

Сердце учащенно забилося, хотя было непонятно, почему. Ладони мгновенно повлажнели. Я, улыбаясь, поддался вперед, к экрану. Нажал на профиль девушки и увеличил фотографию. С нее на меня смотрела милая, красивая девушка. Она изменилась. Пятнадцать лет назад Алина была угловатым, гадким утенком. Смешная в этой своей любви... А сейчас – совершенно другое дело. Нынешняя Алина – счастливая, уверенная в себе. Только немного наивное выражение лица выдает в ней прежнюю бесхитростную девчущку.

Воспоминания закрутили меня в своей чехарде. Я будто вернулся туда, в далекую юность. Улыбаясь, я застучал паль-

цами по клавиатуре: «Привет, Алинка-Снежинка! Рад тебе. У меня всё хорошо. Служу России. Как ты?» Нажав на клавишу Enter, я отправил свой ответ. И сразу же почувствовал, как мое плечо резко сжали. Оглянувшись, я увидел перед собой своего шефа. Сердце взяли за его сердечное горло и сжали так, что ему стало нечем дышать. Он терпеть не мог, когда подчиненные сидели на службе в социальных сетях. Даже книга в руках каралась бы менее жестко. Вот и сейчас его вид не сулил мне ничего хорошего.

– Встать, оперуполномоченный Звонарев! – Франк никогда не кричал. Ему достаточно было слегка повысить голос. Слегка. Этого хватало. Как и моему отцу.

Я подскочил и инстинктивно зажмурился. Организм против моей воли срабатывал так на любые его приказы. Усилением воли я заставил себя разжать веки. На меня смотрели льдистые, колкие глаза шефа. Таким людям можно ничего и не говорить, только смотреть. И ты будешь подчиняться одному этому взгляду. Прирожденные лидеры и руководители. Интересно, в какие игры они играли в детстве?! Он молча смотрел на меня, и мои мысли растекались по черепной коробке.

– Пойдем ко мне в кабинет, поговорим. – Алексей Владимирович развернулся и, не глядя на меня, пошел, чеканя шаг. Мне не оставалось ничего другого, только плестись по-нурой собакой вслед за ним.

У него был просторный кабинет. Все знаковые отличия

патриота были на лицо: флаг и герб украшали центральную часть кабинета. Бесчисленные награды и грамоты не кричали о его доблестях. Но, напоминали... Франк сел. Я так и остался понуро стоять.

– Садись, Максим! Вот скажи мне, что должны делать молодые сотрудники, если даже старые и опытные занимаются в рабочее время ерундой?

Я сидел довольно далеко от него. Но, буквально кожей ощущал его дыхание, чувствовал острую пику его негодования. Любому другому человеку в отделение я дал бы такой ответ, который надолго отбил бы желание задавать вопросы. Только не ему.

– Ну, что молчишь? Отвечай, когда тебя спрашивают?

Я молчал, потому что спазм так сковал мышцы, что слова застряли где-то в районе трахеи. Я ненавижу, когда со мной разговаривают таким спокойным голосом. Лучше бы он орал. Все нормальные люди в гневе срываются на крик! Только не он. И не отец... Когда люди кричат, то теряют часть своей энергии и становятся менее агрессивными. А когда человек говорит вот так тихо и вкрадчиво, гнев внутри него аккумулируется и может прорваться так, что мало не покажется. Отец после таких разговоров изводил меня упражнениями, или бил, или закрывал в чулан. Конечно, Алексей Владимирович никогда бы не тронул меня и пальцем. Но, я, помимо своей воли, сжимаюсь от этого тона, подсознательно хочу раствориться и появиться только тогда, ко-

гда он закончит говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.